

Урок английского редко приносил сюрпризы. Звенел звонок или нет — Юй Чэнсуну было всё равно. Он привалился к стене, попивая йогурт и листая телефон, краем глаза замечая обжигающие взгляды, которые бросал на него сосед.

"Странно, — подумал он. — Раньше йогурт как йогурт, а сегодня прямо нектар".

Учительница английского — альфа-женщина с прямолинейным характером — вошла в класс и, увидев сонных учеников, постучала по кафедре:

— Эй-эй! Я не ошиблась временем? Второй урок только начался, а вы уже носом клюёте!

Кто-то вяло отозвался:

— После биологии же...

На биологии никто не спал — жить надоело, что ли?

Англичанка усмехнулась:

— Что, ночью не спали? В школе же есть самоподготовка — времени на домашку хватает. Чего полуголодничаете? В игры режетесь или крутите романы? Ну-ка, Юй Чэнсун, поделись с учителем!

Когда учитель внезапно обрушивает праведный гнев на самого крутого ученика, класс мгновенно просыпается — зрелище-то какое!

Весь класс словно током ударило — все как один развернулись к последней парте у двери.

Юй Чэнсун не успел даже йогурт от губ отнять, так и застыл с рукой на телефоне. Помедлил и поднял руку:

— Продолжайте, а я, пожалуй, воздержусь.

По классу прокатились смешки.

Он вытащил наушники, сунул телефон в парту и уставился на доску с видом пай-мальчика.

Взгляд учительницы скользнул к новенькому:

— Ого, так это ты у нас перевёлся? Сразу видно — хороший мальчик. Красиво смотрите вместе с Юй Чэнсуном! Спасибо Лао Ли, что посадил вас назад — иначе весь класс пялился бы на вас вместо урока.

Юй Чэнсун покосился на соседа. Тот улыбнулся учительнице — выверенное выражение лица, ни грамма подхалимства, ни капли надменности, идеальное сочетание скромности и вежливости.

"Если в следующем году тебя не возьмут в Пекинскую академию кино — я первый возмущусь".

— Инь Гу, верно? Если что непонятно — приходи в кабинет, Юй Чэнсун знает где, — сказала англичанка. — Так, начинаем урок!

— Встать!

— Здрав-ствуй-те-у-чи-тель!

Англичанка вела урок как ураган — пока поднимешь ручку, она уже три задания проскочила. Юй Чэнсун не утруждался слушать, телефон не достать — со скуки мох прорастёт.

Раньше в такие моменты он пялился на пустующее место рядом. По привычке повернул голову к Инь Гу.

Вроде просто хотел найти точку для расфокусированного взгляда, но невольно заметил — сосед тоже не слушает.

Вроде внимательно смотрит на доску, но опытным взглядом отличника Юй Чэнсун видел — глаза пустые, мысли где-то далеко.

Как у него самого сейчас, только объект для медитации — доска.

"Я хочу, чтобы ты хорошо ладил с соседом по парте, он хороший мальчик..."

Слова Лао Ли всплыли в памяти. Юй Чэнсун усмехнулся — если округлить, он тоже вроде как

хороший.

"Новость дня — завуч Хань прослезится от умиления".

Юй Чэнсун старался наблюдать незаметно — даже голову не поворачивал, только скашивал глаза. Но через пару минут Инь Гу вдруг повернулся к нему с неммым вопросом во взгляде.

"Какой чуткий..."

— Какого ты уровня альфа? — спросил Юй Чэнсун.

Только произнеся это, он понял — вопрос неуместный. Уровень для альф — тема деликатная, кто-то хвастается направо и налево своими "восемнадцатью сантиметрами", а кто-то стесняется признаться в "швейной иголке"...

Для знакомых пару часов — явно бестактно.

Юй Чэнсун понимал — сейчас бы отшутиться "да ладно, слушай урок" и замять неловкость.

Но не хотел. Эх, приспичило узнать!

Глядя в чуть расширившиеся раскосые глаза Инь Гу, он ухмыльнулся. Запах крови, что он уловил утром, сейчас совсем исчез, но интуиция подсказывала — то была не настоящая кровь, а феромоны.

"Кровавые феромоны? Редкость".

Хотелось убедиться.

А разозлится Инь Гу или нет — плевать.

Лао Ли прав — не то чтобы у него нет эмоционального интеллекта, просто лень использовать...

"Не обижайся на прямоту, а я не обижусь на тяжёлую руку" — вот жизненное кредо Юй Чэнсуна.

Как душа желает — просто и нахально.

Реакция Инь Гу оказалась почти предсказуемой — ни тени гнева, улыбка приклеена намертво. Глянул на пустой пакетик из-под йогурта и тихо произнёс:

— Угадай.

Юй Чэнсун прищурился.

Человек так устроен — чем больше от него прячут, тем сильнее хочется узнать. От любопытства внутри словно кошки скребли — не узнаешь, места себе не найдёшь.

А он себя всегда баловал — захотел что-то, сразу делал, ни в чём себе не отказывал.

Подумав, Юй Чэнсун достал из кармана последнюю конфету "Молочный малыш", положил на парту Инь Гу, постучал пальцем:

— Говори. Разорился ради тебя.

Инь Гу взял конфету, внимательно осмотрел и повернулся к нему.

Юй Чэнсун тоже уставился на него.

Через мгновение он придвинулся, почти касаясь уха губами, и услышал этот приятный голос:

— Мой уровень...

Юй Чэнсун наострил уши.

— Король, двадцать шесть звёзд. Двадцать за партию, могу потащить. Соседям по парте — скидка двадцать процентов.

Что за...

Юй Чэнсун едва сдержался, чтобы не размазать пакет из-под йогурта по этой наглой роже. Глубоко вздохнул, откинулся на спинку стула и выдавил фальшивую улыбку:

— Спасибо, не надо. Я беден, предпочитаю своими силами.

Инь Гу с понимающей улыбкой кивнул.

Юй Чэнсун ответил такой же фальшивкой.

"Если этот щенок — хороший мальчик, я съем свою обувь в прямом эфире".

Твою мать.

За один короткий день представление Юй Чэнсуна о соседе по парте обрело объём — начиная с англичанки, каждый входящий учитель по три минуты расхваливал улыбающегося Инь Гу, а особо злые ещё и Чэнсуна пинали для контраста.

"Как будто во всём мире только я знаю, что он за птица, но доказать не могу — бесит".

Первая школа как престижное заведение держала и вечерние занятия, но со свойственным ей бунтарством сделала их добровольными. После звонка уходили и оставались примерно два к трём.

Юй Чэнсун был в тех двух.

По слухам, школу строили на последние деньги, место выбрали так себе — на окраине Сиюаня, где городская разруха встречалась с деревенской.

Три шага от ворот — и тебя атакуют тележки с лапшой, шашлыками, жареным рисом. Даже не думая о гигиене — от одних запахов специй и масляного дыма у чувствительного высшего альфы морщился нос.

Юй Чэнсун длинными ногами быстро прорвался через опасную зону, застегнул молнию спортивной куртки до подбородка — чёрная ткань подчёркивала белизну лица.

Март на севере ещё холодный, ветер жалил щёки. Он достал телефон, включил спокойную инструментальную музыку, надел наушники и открыл непрочитанные сообщения в вичате.

Чжэюйжэнь: Неделю не мелькал перед тобой — соскучился?

[стикер: кокетка.jpg]

Ши Гэ Хао Жэнь: Сердце разрывается от тоски, детка! Завтра придёшь на утреннюю аудиенцию?

[стикер: вау, крутой.jpg]

Чжэюйжэнь: Конечно! Поклониться отцу! Заодно проверю, не явилась ли матушка.

[стикер: сражён моей милотой.jpg]

— Придурок, — усмехнулся Юй Чэнсун.

Ши Гэ Хао Жэнь: Приходи, папочка приготовил сюрприз.

Чжэюйжэнь: Знаю я твой сюрприз, про новенького? Даюй говорит, красавчик, твой сосед по парте?

Чжэюйжэнь: Эй? Эй?

Чжэюйжэнь: Ты куда пропал?

Чжэюйжэнь: Только не говори, что это и есть сюрприз, папуля! Отвечай!

Юй Чэнсун уставился на потухший экран. Вот ведь дрянь — верный спутник пауэрбанка, и дня не протянет без подзарядки.

Впрочем, иногда нужно мириться с существованием бесполезных вещей — они как эталон, подчёркивающий твою полезность или чью-то феноменальную никчёмность, привносят в жизнь радость.

Например, младший братишка Юй Чэнди.

Юй Чэнсун толкнул дверь и сразу заметил неудачливого брата — тот неловко полусидел в прихожей, меняя обувь. Штанины школьной формы закатаны, колени распухли и покраснели, в ссадинах, присыпанных грязью — за полдня даже не обработал.

У хромоножки и так с ногой проблемы, а тут ещё и это.

"Еле ходит, а всё равно куда-то собрался — как тут старшему брату не волноваться?"

— Йо! — в хриплом голосе Юй Чэнсуна переливался смех. Он положил руку на макушку Юй Чэнди, улыбаясь до прищуренных глаз: — Это кто тут у нас? Какой неудачник? Кто этот слабак, которого избил, а он даже сдачи не дал? Бесполезный тип — как его в наш дом занесло? Никто за ним не присмотрит? Эй, тут есть кто-нибудь?

— Не трогай меня! — Юй Чэнди отбил его руку. Как раненый ёжик, уставился на брата покрасневшими глазами, полными отвращения: — Обойдусь без твоего презрения!

— О-о-о, — Юй Чэнсун привалился к двери, понимающе кивая. Ткнул в плечо брата, чуть не опрокинув: — Я и не говорил, что ты нуждаешься. Чего злишься? Разве братик плохо к тебе относится?

Юй Чэнди было десять. Недоедание сделало его на полметра ниже брата — даже со всей силёнкой не мог и волоска на том шевельнуть. Только и оставалось яростно сверкать глазами, цедея сквозь зубы:

— Юй Чэнсун, ты хуже неё! Бесишь больше, чем она!

"Вот вырасту, стану альфой — затопчу и тебя, и эту мелкую тварь!"

— Высокая оценка! Я тронут, — Юй Чэнсун вскинул бровь. — Сегодня в награду расскажу страшилку. Что хочешь — "Звонок" или "Призрак деревни"?

Юй Чэнди боялся призраков — дрожал от одних названий. Глядя на сияющую улыбку брата, жутковатую как демон из телевизора, он даже не стал переобуваться — рванул в свою комнату, словно за ним гналось чудовище.

— Эй, куда побежал? — чудовище и не думало стесняться, нагоняло длинными ногами. Юй Чэнди прихрамывал, спотыкался, а Юй Чэнсун вальяжно следовал за ним: — Не нравится? Может, про Каяко? Красивая девушка, любит из-под одеяла вылезать.

— А-а-а!

Мама внезапно распахнула дверь, сбив Юй Чэнди с ног — только реакция Юй Чэнсуна спасла его от падения.

— Что ты копаешься?! Я велела купить Юаню молочный чай — почему до сих пор не ушёл? Что с ногами — хромые или отсохли?! Я с тобой разговариваю! С тобой! Бесполезный!

Хозяйка дома в розовой шёлковой пижаме — неуместной в доме, где только отключили отопление. Истощённая фигура тонула в ткани, как скелет, обтянутый кожей.

Впалые глаза на осунувшемся лице, синюшные губы перекосило, когда она уставилась на второго сына и замахнулась:

— Беспольный! Не хочешь покупать? Не хочешь, чтобы Юань попил?!

Как бы ни ненавидел её, как бы ни мечтал о её исчезновении, перед разгневанной матерью Юй Чэнди цепенел. Только таращился в ужасе на приближающуюся руку — боль и наказание захлёстывали заранее, до дрожи.

Страх вьелся в детскую душу, не вытравить, не стереть.

Большая рука схватила его за воротник — как герой, резко дёрнула прочь, вытаскивая из трясины ужаса.

Спиной он врезался в ноги старшего брата — больно.

Юй Чэнди стиснул зубы, чуть отстранился.

"Юй Чэнсун вечно без тормозов — какой из него герой?"

— Наш Юань захотел молочного чая? — Юй Чэнсун одной рукой держал Юй Чэнди за голову, другой перехватил мамину руку. Тыльная сторона ладони мгновенно покраснела, но он улыбался матери с насмешкой в глазах:

— Старший брат купит! С хромыми ножками второго братика чай остынет, пока дойдёт. Не волнуйся, старший брат не отравит, Юань проживёт до ста лет, точно не как тот человек... Правда, мама?

После его слов Юй Чэнди снова затрясло.

"Какой герой так нарывается?!"

Лицо матери стало пунцовым, потом лиловым, потом белым. Наконец она с трудом опустила руку, голос охрип от злобы, в нём сквозили апатия и ненависть:

— Юань хочет чай из нового магазина на улице Дунчуань. Быстро принеси.

— О, не обещаю, — Юй Чэнсун снял рюкзак и повесил на шею Юй Чэнди, похлопал по бледной щеке: — Отнеси в мою комнату.

Не обращая внимания на перекошенное лицо матери, он вышел за дверь.